

УЖАСНО НЕУДОБНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
* Бронте Метгастон *

• ЖАКЛИН * МОРИАРТИ •

*Моим мальчикам Найджелу и Чарли,
с любовью*

КОЛДОВСКАЯ
ИМПЕРИЯ

ПЕННОЕ *

ШЕПТАТЕЛЬНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

ВСЯКИЕ ЗЛОДЕЙСКИЕ
КОРОЛЕВСТВА

СЛАДКОЗВУЧНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

*ОКСФОРДШИР

НЕПРОХОДИМЫЙ ЛЕС

*ХАРТФОРДШИР

*НИНА-БЭЙ

КОЛОНИЯ
ГНОМОВ-РЕДИСОК

*КОЛЧЕСТЕР

СТАНТОНВИЛЛЬ

*ЛАЗОУФК

ПОБЕРЕЖЬЕ ОСКИ

*КАРНЕГИ-УОТЕРЗ

ИМПЕРИЯ СОЙЕР

*САРАНЧИ

ЛИВИНГСТОН

ФОНАРНЫЙ
ОСТРОВ

ОСТРОВ
ТАТТЛОК

КУДРЯВАЯ
БУХТА

*ГЕЙНСЛИ

ИМПЕРИЯ
РИКОШЕТ

* БРЭЙВУД

ПЛОЩАДКА
ДЬЯВОЛА

ТРАВАЙ-ЭНДИВА

ДОЛИНА КАТРИН

* БЛУ-ШАЛЕ

ГОРА ОПАЛ

* ПРИЧАЛ
ДЖУМИАН

* СОЛОМЕННЫЙ
МОСТ

* КЛАЙБУРН

1

Мне было десять, когда моих родителей убили пираты.

Я не так сильно расстроилась, как вы могли подумать, потому что родителей я почти не знала.

Для меня они были парочкой, кружащейся в танце, на фотографии, которую моя тётя хранила на каминной полке. В углу фотографии была джаз-группа — так вот, человек, игравший на трубе, интересовал меня куда больше, чем газовая шаль моей мамы или неловкая улыбка отца. Трубач! Его лицо было похоже на рыбу фугу, волосы дико разлетелись в стороны, а от трубы расходились лучи света.

Однако тётю Изабеллу новость взволновала. Она была самой старшей сестрой моего отца и взяла меня к себе, когда родители отправились на поиски приключений. Впрочем, выбора у неё особо не было: одним морозным утром она нашла меня в коляске в прихожей своего дома.

Ещё, по словам тёти, там была записка, но она исчезла, когда горничная делала весеннюю уборку. В коляске также была бутылочка с молоком (для меня) и банка с морошковым чаем (для моей тёти).

Именно этот морошковый чай она оплакивала больше всего, когда пришло известие о пиратах. Дворецкий пре-

поднёс маленькую белую карточку с новостью на серебряном подносе. Получилось некстати. Обычно белые карточки на серебряных подносах сообщали что-то вроде: «Просим удовольствия лицезреть Вас на нашем фешенебельном костюмированном балу» или «Мы великолепно провели время на Вашем вечере игр! Ответное приглашение не заставит ждать!».

Поэтому мы с тётей обменялись улыбками, завидев во время дневного чаепития подплывающий к нам серебряный поднос. А потом мы прочитали карточку:

С ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЕМ, ЧТО ПУШЕЧНЫЙ
ВЫСТРЕЛ С ПАЛУБЫ ПИРАТСКОГО КОРАБЛЯ
«ЧЕРТОПОЛОХОВЫЙ ЧЕРЕП» (ВЕСОМ 208 ТОНН,
103 ФУТА В ДЛИНУ, 24 ФУТА В ШИРИНУ) ЗАБРАЛ
У НАС ПАТРИКА И ЛИДУ МЕТТЛСТОУН.

Сначала тётушка пришла в ярость от манеры, в которой это было написано.

— «Забрал»! — вскрикнула она. — «Забрал»!

А вот я была в недоумении. Меня иногда забирали другие тётушки, когда оказывались в городе, или моя гувернантка. Если господину Пушечному, кем бы он ни был, вздумалось пригласить моих родителей на прогулку — видимо, в Арлингтонскую кафе-кондитерскую на лимонад с пирожными, — то что в этом такого?

Но затем тётя повернулась к Дворецкому и спросила:

— Вы это читали?

Дворецкий с оскорблённым видом шагнул вперёд:

— Разумеется, нет!

Он склонился над тётей, чтобы прочитать сейчас.

— Боже! — сказал он и медленно покачал головой, цокая языком в знак неодобрения. Он опустил глаза на тётю, и его лицо сделалось печальным.

— «Забрал»! — сказала ему тётя. — Представляете? Могли бы выбрать хоть чуточку менее *нахальный* тон!

— В таких-то обстоятельствах, — согласился Дворецкий.

— Они должны были сказать, что их убили! — воскликнула тётя. — Убили пираты!

Вот так я и поняла, что мои родители мертвы. У меня округлились глаза. Впрочем, они быстро вернулись к своей обычной форме.

Дворецкий принял задумчивый вид.

— Может, — сказал он, — это была случайность? Возможно, Патрик и Лида попросту оказались на линии пушечного огня в неподходящий момент? В таком случае это было бы уже в чуть меньшей степени убийство, не так ли?

— Непреднамеренное убийство? — недовольно переспросила тётя. — «С прискорбием сообщаем вам, что их непреднамеренно убили». Звучит как-то не так, вам не кажется?

Дворецкий всё ещё изучал карточку.

— Странно, — сказал он, — что так подробно описан корабль. Возможно, существует несколько пиратских кораблей, названных «Чертополоховым черепом», и им нужно было как-то выделить именно этот.

— Это просто возмутительно! — волновалась тётюшка.

— Похоже, они подумали, будто вы собрались сшить наряд для корабля — скажем, комбинезон, — и вам требуются его мерки.

— Ха! — ответила тётушка. Они с Дворецким улыбнулись. Но улыбки их померкли.

Наступила долгая тишина. Я прихлебнула какао из чашки, солнце лилось сквозь французские окна. Оно искрилось на серебряных приборах и подсвечивало белую льняную скатерть.

— Ох! — внезапно простонала тётушка, отчего мы с Дворецким подпрыгнули. — Ох-ох-ох! Они ведь подарили мне морошковый чай, а теперь их не стало!

Она начала громко стенать.

Понимаете, её очень растрогал подаренный морошковый чай, который мои родители оставили в коляске (вместе со мной). Это был её любимый чай, и они, должно быть, это запомнили. «Вот такие мелочи, — любила повторять она, — хорошо продуманные мелочи, и отличают вежливых людей от остальных».

Она говорила, что я должна стремиться стать такой же любезной, как мои родители. Поэтому одно время я всюду носила с собой блокнот, куда записывала любимые горячие и холодные напитки, фрукты, сладости и вкусы мороженого каждого, кого встречала. Чтобы, когда я сама вырасту и брошу своего единственного ребёнка в прихожей у кого-то дома, я смогла бы положить в коляску любимое угощение этого кого-то.

Порой тётя говорила, что жизнь у моих родителей «хаотичная, как пожар в курятнике».

Теперь же мы сидели за столом в полуденном солнце и слушали причитания тётушки Изабеллы о погибших брате и невестке, и особенно о морошковом чае.

2

На следующий день тётушка позвонила семейным юристам, и они пригласили нас к себе в офис, чтобы зачитать последнюю волю.

Воля — это то, что люди оставляют после себя, когда умирают. Ещё так зовут мою собаку (только с большой буквой), а ещё она есть у меня, как говорит тётушка Изабелла.

Только моя, говорила она, была твёрдой. «У тебя очень твёрдая воля, Бронте», — часто замечала она, иногда с раздражением, иногда, казалось, с гордой улыбкой.

«Да», — всегда отвечала я, стараясь не спорить.

Тётушка Изабелла удивилась, что мои родители оставили завещание.

— Не кажется ли вам, — обратилась она к Дворецкому, — что они были слишком беспорядочными для воли?

Дворецкий согласился.

— Я бы поверил скорее, — сказал он, — что для них охота пуще неволи.

Мы с тётей Изабеллой засмеялись, Дворецкий был доволен и тоже засмеялся. Потом тётя резко перестала смеяться и рассеянно уставилась в окно. Поэтому мы с Дворецким тоже перестали смеяться и посмотрели в ту же точку.

В офис юристов я надела белое платье с синим поясом, настроение у меня было приподнятое, потому что тётя сказала, что на обратном пути мы зайдём выпить молочный коктейль.

Юристами оказались двое мужчин с белой и влажной, точно яблочная мякоть, кожей.

— Юристы тебе покажутся старыми, — предупредила меня тётя Изабелла тем утром. — Хотя это не так.

Я задумалась над этим, но ничего не поняла.

— Я имею в виду, они выглядят старше своих лет, — объяснила она. — Всё потому, что они юристы. Выбери они другую профессию — например, стали бы циркачами и летали на трапециях...

— Или зрителями зоопарка, — поддержал Дворецкий, — и резвились бы с самым дружелюбным львом?

— Вот-вот. Будь так, они могли бы выглядеть довольно молодо для своих лет. Понимаешь, о чём я, Бронте?

— Нет, — ответила я.

Но теперь я рассматривала двух мужчин. Одетые в двубортные пиджаки, они сутулились в своих креслах, глядели сквозь линзы очков и жевали, хотя во рту у них ничего не было, и я поняла, что имела в виду тётя Изабелла.

Кресла у них были большущими и мягкими, такими, на которых можно откатиться и которые скрипят всякий раз, когда устраиваешься поудобней. У нас с тётей были обычные стулья с твёрдой спинкой. Поэтому поначалу я не особо слушала, что говорили юристы, потому что злилась. Почему это у нас нет мягких, классных кресел на колёсиках?

Тут я заметила, что тот, что справа, господин Крозер, обращается ко мне.

— Правда ведь, Бронте? — сказал он. — Если мне что-то и известно о маленьких девочках, как ты, то ты бы предпочла закончить всё побыстрее и отправиться за чем-нибудь вкусеньким на полдник! Что скажешь? Я прав?

Я ничего не ответила. Я уставилась на свои ноги, проверяя, дотянусь ли до пола, если вытяну носочки. Мне и правда хотелось поскорее отсюда выбраться и выпить молочный коктейль, но я не собиралась доставлять удовольствие господину Крозеру, признавая, что он прав.

— Бронте, — обратился ко мне второй, господин Риджвей, направляя на меня свои очки, — завещатели оговорили, что вам надлежит выполнить ряд условий, прежде чем вы сможете войти в наследование.

Я посмотрела на него в упор.

Некоторые взрослые разговаривают с детьми как с младенцами, повышая интонацию в конце предложений. Предполагается, что ребёнок должен либо хохотать, либо кивать и улыбаться. Господин Крозер, первый юрист, относился к этой категории.

Но бывают взрослые, как господин Риджвей, которые разговаривают с детьми так, словно те мини-взрослые. Делают это они с самодовольной ухмылочкой, поблёскивая стёклами очков. Я не знаю, что должен делать ребёнок в таком случае. Наверное, я должна была растерянно посмотреть на него или расплакаться и сказать: «Я не понимаю!»

Я поморщила нос.

— Боже правый! — вмешалась тётя Изабелла. — Да что вы оба пытаетесь сказать?

Господин Крозер и господин Риджвей откинулись на спинки, и кожаные кресла под ними заскрипели.

— Дело вот в чём, — господин Крозер теперь обращался к тёте Изабелле, что для него было проще. — Они оставили инструкции для Бронте. В ячейке банка находится сундук с сокровищами. В нём полно подарков. Бронте должна *доставить* эти подарки разным людям. Она должна

отправиться в дорогу ровно через три дня. Ах да, и сделать это она должна одна.

— Одна?! Но ей всего десять!

— Возможно, её родители не планировали умирать, прежде чем она подрастёт, — предположил господин Риджвей, небрежно поведя плечами.

— Они всё подробно изложили, — добавил господин Крозер, опуская локти на стол и листая страницы. — Здесь перечислены не просто имена и адреса, но также и вид транспорта, которым Бронте нужно добираться. Там даже есть рекомендации ресторанов и кафе, где она могла бы отобедать. Некоторые из них необязательны.

— Ей десять лет, — спокойно повторила тётушка Изабелла. — Она не ходит по ресторанам. И вообще, как она будет *носить* сундук с кучей подарков?

— Положит в чемодан, — посоветовал господин Риджвей.

Повисла непродолжительная пауза, во время которой тётушка Изабелла, поджав губы, смеряла его взглядом. Затем она нахмурилась.

— Кому предназначены эти подарки? — спросила она. — Надеюсь, все эти люди живут здесь, в Гейнсли?

Тут оба юриста громко расхохотались, и я смогла представить, как бы они выглядели, если бы дни напролёт веселились со львами.

— Нет, нет, определённо нет! Все они в разных частях Королевств и Империй! — господин Крозер передал тётушке Изабелле лист бумаги, и она взяла его так, чтобы я тоже могла прочитать.

Это был список имён.

Имена принадлежали десяти остальным моим тётям.